

ДАНИЛ КОРЕЦКИЙ

МУЗЕЙНЫЙ АРТЕФАКТ

(Перстень Иуды – 2)

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
К 66

Оформление обложки дизайн-студия «Графит»
Дизайн — Я. Половцева

Корецкий, Данил Аркадьевич.
К66 Музейный артефакт (Перстень Иуды – 2)/ Данил
Корецкий. — Москва: АСТ, 2015. — 445, [3] с.

ISBN 978-5-17-085594-0

В запасниках Эрмитажа молодой историк Трофимов находит старинный перстень, про который среди старых сотрудников ходят жутковатые истории. И действительно, в нем много странного: начиная от надписи внутри и кончая физическим составом. Но никто не может предположить, что это действительно перстень Иуды, который в далеком прошлом изменил не одну судьбу: и ученика чернокнижника Кфира, и профессионального убийцы-ассасина Фаарида. Теперь, украденный из музея, он меняет жизнь вора по прозвищу «Студент».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Корецкий Д.А., 2013
© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

Находка В Эрмитаже

Август 1961 г.
Ленинград

В Эрмитаж всегда стоит очередь. И ладно толпились бы здесь знатоки истории и культуры, профессора и доценты, студенты художественных училищ и прочие тонкие ценители мирового искусства... Нет, толчется тут самый разношерстный люд — возбужденные провинциалы из ждущих на площади автобусов, школьные экскурсии по обязательному плану эстетического воспитания, командированные, желающие обязательно отметить в знаменитом музее, и прочая случайная публика, которая потом бродит по залам с неприкаянным видом, переговаривается, смеется или откровенно скучает.

Молодой человек лет двадцати трех, в широких китайских штанах, клетчатой шведке и темных очках в пластмассовой оправе проходит мимо растянувшейся на квартал плотной человеческой цепочки с чувством явного превосходства: ему не надо стоять в очереди, он не какой-нибудь дилетант, изнывающий от любопытства или отрабатывающий обязательный

номер. Он здесь работает. Иван Трофимов, несмотря на свою молодость, круглое простоватое лицо и ровные соломенные волосы, которые не поддаются расческе — выпускник историко-архивного института и уже три недели младший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, включающего более трех миллионов единиц хранения!

Пройдя через служебный вход, он оказался в прохладном мире мрамора, кованого железа, огромных светлых окон, резных колонн, высоченных расписанных потолков, а главное — ценнейших и редчайших экспонатов: первобытных фигурок и предметов быта, знаменитых картин, тонко выполненных скульптур, черепов давно вымерших животных, коллекций монет канувших в Лету эпох. Здесь витают запахи древней краски и вековых холстов, костей динозавров и других атрибутов седой старины. Впрочем, Иван работает среди железа: доспехи и копья, щиты и мечи, кинжалы и кольчуги... Рыцарский зал — эпоха Средневековья. Здесь пахнет сталью, звоном оружия, пролитой кровью, торжеством победителей и предсмертным ужасом побежденных. Но, кроме Ивана, никто этих запахов не чувствует. Он это знает, а потому никому о своих ощущениях не рассказывает.

Молодой специалист с рвением принялся за работу и сразу привлек к себе внимание. Уже на третий день он подошел к заведующей отделом и прямо в лоб сказал:

— Извините, Наталья Ивановна, тут у вас ошибка... На третьем стенде стилеты названы кинжалами. И лежат они вперемешку...

Кандидат исторических наук Силуянова, которую сотрудники за глаза звали Железная Ната, покрылась красными пятнами и чуть не лишилась дара речи.

— Какая же здесь ошибка, Ваня? Стилет и есть разновидность кинжала!

Но вчерашний студент упрямо стоял на своем.

— Нет, Наталья Ивановна! Стилет и кинжал есть разновидности короткоклинкового холодного оружия. Но кинжал — колюще-режущее, двухлезвийное¹, обоюдоострое, а стилет — колющее, как правило, безлезвийное... Они должны выставляться в разных витринах!

Многие коллеги стали очевидцами этой дискуссии, а старший научный сотрудник Киндяев, который специализировался на «белом» оружии², подтверждая кивнул головой.

— Если глубоко анализировать классификацию оружия, то так и есть. Встречаются и двухлезвийные стилеты, но очень узкие, зарезать ими все равно трудно, а заколоть — легко!

Он тоже был кандидатом и по стажу работы вполне мог претендовать на должность заведующего отделом, отношение к нему со стороны Силуяновой было настроенным. И все происходящее она могла расценить как заговор.

Поэтому он тут же добавил:

— Но вряд ли столь глубокие нюансы узкой отрасли оружейведения представляют интерес для по-

¹ В обыденной речи понятия «лезвие» и «клинок» неправильно употребляют, как синонимы. На самом деле лезвие — это заточенная грань клинка.

² Белое — на сленге коллекционеров — холодное оружие.

сетителей широкопрофильного Эрмитажа. У нас же не специализированный военный или оружейный музей...

Это был явный реверанс в сторону начальницы: может быть так, а может и этак, то ей решать — прав новичок, или не прав.

Но Наталья Ивановна быстро поняла общий настрой, и на ходу перестроилась.

— Николай Петрович, у нас культурно-историческое учреждение мирового уровня, поэтому мы не можем довольствоваться приблизительными оценками. Наш посетитель должен получать самые точные знания. Очень хорошо, что молодой специалист Трофимов так глубоко разбирается в предмете и выявил наши недостатки. Ему я и поручаю навести порядок с экспонатами. Порядок есть порядок.

Все переглянулись. Железная Ната блестяще вышла из сложной ситуации. Во-первых, показала свою объективность и справедливость. Во-вторых, изящно столкнула лбами новичка и возможного конкурента, воплощая старинный, хорошо известный историкам, но безотказно действующий и в современности принцип: «Разделяй и властвуй». В-третьих, нагрозила Ивана сложной работой, на которой он мог заработать штрафные баллы. А в-четвертых — вообще неизвестно, чем для молодого выскочки закончится эта эскапада!

Как бы то ни было, сейчас Иван готовил специализированную экспозицию. Они с Киндяевым сидели в подвале, тот паспортизировал сабли, шпаги, палаши по клеймам и одному ему ведомым признакам, а Трофимов занимался стилетами. В подвале было сырова-

то, зато прохладно, но не хватало воздуха и общения: кроме их двоих и кота Василия, тут никого не было — как в тюрьме. Но Иван не обращал на это внимания: он с головой погрузился в мир стилетов.

Узкие, длинные, похожие на портновские иглы, клинки... Треугольные или четырехгранные в сечении, иногда круглые, — они не сшивают шелк, бархат или холстину, они работают с тканью человеческих судеб, прокалывая мягкие, наполненные жизнью сосуды и выпуская бесценную эманацию в непрозрачно-темные воды Стикса¹. Чтобы добраться до легко уязвимой человеческой оболочки, они могут проскользнуть сквозь кольца кольчуги, о которую сломается широкий кавказский кинжал, найти щель в рыцарской броне, перед которой бессильны острые мечи и быстрые стрелы... Но хрупкие иглы смерти не звенят в бою, они не приспособлены для сражений — эти изящные вещицы созданы для другого: для тайных убийств, столь же коварных, сколь и изощренных.

Итальянский трехгранный клинок с витой ручкой из слоновой кости, оплетенной золотой проволочкой, скользящей к резному перекрестью, напоминает своей затейливостью знаменитые сицилийские канноли — тонкие трубочки из жареного теста, начиненные кремом, цукатами, кусочками горького шоколада, корицей и... цианистым калием. Его испанский и английский собратья более прямолинейны, они похожи на католический крест с узким, сходящим в игольной остроты точку основанием. Взявшись за

¹ Стикс — по древнегреческой мифологии — река в царстве мертвых.

клинок, лукавый вассал может на перекрестье поклясться в верности сюзерену, а перехватив за довольно простую рукоять, эту самую клятву перечеркнуть, если, конечно, нет возможности ночью налить в ухо спящему господину сильнодействующий яд. Круглые клинки и узкие, расписанные узорами, круглые рукоятки любят японцы — их легко спрятать в шве кимоно или в высокой прическе обнаженной гейши, которая, раскрывая свои нефритовые ворота, трогает нефрит коварной заколки, чтобы в самый неподходящий момент оборвать наслаждение могущественного партнера коротким уколом в сердце...

Иван внимательно рассматривал каждый стилет, пытаясь ярче проявить исходящую от холодной стали тревожную ауру и увидеть картины из его прошлой жизни. Но, увы, это у молодого человека не получалось.

— Что ты их так вертишь? — нарушил тишину Киндяев. — Нюхаешь, разглядываешь, будто поцеловать хочешь, только что к сердцу не прижимаешь...

Молодой человек несколько смутился.

— Да я, вроде, чувствую их историю. Неотчетливо, правда, в общих чертах... Вот этим закололи то ли царя, то ли просто какого-то вельможу... В дворцовом коридоре, узком таком, прямо сквозь занавеску... А вот этим гейша такого толстого убила... Оба голые, она на нем елозила, а сама из волос вынула и в сердце... Осмотрелась, капельку крови с жирной дряблой груди стерла, а потом кричать стала, видно на помощь звать — вроде он сам помер... А чего — тогда же никаких экспертиз не было?

— Не было, — подтвердил Киндяев. — Тогда поступали проще: сдирали кожу с этой гейши, она во всем и признавалась... А ты и правда все это чувствуешь?

Он улыбался, чем окончательно смутил Ивана.

— Не знаю, откуда это берется... Раньше такого не случалось... Тут тихо, дышать трудно... Может, фантазия и разыгралась, а, Николай Петрович?

— Не ты первый, Ваня, — сказал Киндяев и перестал улыбаться. — Древние предметы несут энергетику прошедших веков. А когда скапливаются в одном месте, тут такие чудеса начинаются... Ты как-нибудь расспроси Сергеича, ночного сторожа. Он, конечно, человек пьющий, но пьющих много, а таких рассказов ни от кого не услышишь! Правда, по-трезвому он вспоминать это не любит, вначале его подпоить надо. Вот и получается порочный круг!

Он хотел еще что-то сказать, но оборвался на полуслове и замолчал.

Наступила обычная здесь казематная тишина, только Васька с остервенением чесал задней лапой за ухом и выкусывался. Киндяев заполнял паспорт на очередной палаш, а Трофимов тщательно протирал фланелью отобранные стилеты.

— А что, Николай Петрович, правда, что мы здесь вроде как в ссылке? — вдруг спросил Иван.

— Кто тебе сказал?

— Петро. И Светлана намекала. Похоже, все так думают.

Киндяев вздохнул.

— Да хрен ее знает. Может, и так. Старая дева — разве разберешь, что у нее на уме? Источает свои

глупые афоризмы: «Коллектив есть коллектив», «Работа есть работа», все возле начальства трется, хвосты заносит... Да ну ее... Я тебе лучше одну интересную вещьцу покажу. Она сюда случайно попала, еще с войны, когда все экспонаты от бомбежек в подвалы прятали... Ты, я вижу, паренек чуткий, тебе понравится... Гм... Если понравится!

Порывшись в небольшом ящике, Николай Петрович достал маленький круглый предмет, подбросил на потемневшей от оружейной смазки ладони, поставил перед собой на стол, сделал резкое движение большим и указательным пальцами, будто раскручивал стоящую на ребре монету. Предмет закрутился с тонким серебряным звоном, вливающимся в уши, как сладкоголосое, гипнотизирующее пение сирен.

Ивану показалось, что песок времени, с тихим шелестом пересыпающийся из одной колбы вечности в другую, стал вязким, замедлил свое движение, а потом и вовсе завис оборванной желтой веревочкой. Но вскоре веревочка снова ожила, превратилась в секунды и минуты, и молодой человек будто вынырнул из дремы.

— Что это? — спросил Иван, встряхивая головой.

Киндяев прихлопнул все еще крутящийся предмет, прижав его к исцарапанной столешнице, — будто муху поймал. Но тут же выругался и отдернул руку, с остервенением дую в согнутую ладонь. А предмет, в котором Иван рассмотрел кольцо, вдруг сам собой покатился по совершенно ровному столу в его сторону, словно побежала мышка, виляющая длинным хвостом. Кольцо докатилось до края и упало бы на

пол, если бы Трофимов чисто машинально не подставил руку и не подхватил его на лету.

— Осторожно! — нервно выкрикнул Николай Петрович.

— Что такое? — удивленно проговорил молодой специалист.

— А вот что! — Киндяев поднял руку и показал набухающий посередине ладони красный волдырь. — Он горячий, видишь, как ожегся...

— Не может быть! — изумился вчерашний студент, подбрасывая совершенно холодный перстень, будто пытаюсь навскидку определить его вес.

— Так что, по-твоему, я сам себя сигаретой прижег?! Или, может, спичкой?!

— Да нет, — ответил совершенно сбитый с толку Иван Трофимов.

Все происходило у него на глазах, и ни спичек, ни сигарет он не видел. Николай Петрович вообще не курил! За часы, проведенные в подвале, никаких действий, которые могли бы привести к нагреванию перстня, старший научный сотрудник не предпринимал. Тогда откуда ожог?

— Просто он не горячий... Скорее наоборот!

Действительно, массивный обод из некогда светлого, но потемневшего от времени металла был даже прохладней окружающего воздуха.

— Это серебро? — спросил Иван. — Или платина?

Киндяев озабоченно дул на обожженную ладонь.

— Ни то, ни другое. Наш ювелир сказал, это вообще не драгметалл...

Иван принялся внимательно рассматривать пер-

стень. Лохматая морда в разинутой пасти держала крупный черный камень с необычной чешуйчатой огранкой. Морда выглядела очень выразительно. Тончайшая резьба, сотни мельчайших штрихов — казалось, отражена каждая морщинка, каждая складка, — все это делало ее почти живой...

— Как искусно вырезан лев... — не удержался Иван.

— А почему ты решил, что это лев? — буркнул Киндяев. — Соль не видел?

Иван вынул из ящика и протянул ему пузырек.

— Ну как же: грива, оскал, клыки...

— И притом человеческие уши?

— Да-а-а, действительно... Но это, если всмотреться. А грива львиная...

— И тонкий горбатый нос?

— Правда! И глаза... Нечеловеческие, но осмысленные... Однако если не лев, то кто? — рассуждал вслух Трофимов. — Некое библейское чудовище?

Кряхтя, Николай Петрович сосредоточенно насыпал на ладонь соли.

— Лично мне оно напоминает сатану или еще какое-то исчадие ада...

Иван отодвинул перстень подальше от глаз.

— Но все-таки это облик льва. Хотя, возможно, с каким-то намеком...

Оскаленная морда производила впечатление высокохудожественной работы. Но тогда почему перстень пылится в запаснике, а не украшает центральные экспозиции?

Потемневший металл почти лишен обычных по-

тертостей и царапин, которые образуются при использовании любого украшения. Имелась только одна зазубрина, которая, как померещилось Ивану, осталась от страшного удара мечом, топором или тому подобным большим и грозным оружием. Внутри кольца идет затейливая вязь древних букв, такая же имеется снаружи. Тонкие буквы тоже прекрасно сохранились, ни одна не стерлась.

— Изумительная сохранность, Николай Петрович! — воскликнул молодой человек. — Сколько лет этой штуке?

Киндяев в очередной раз чертыхнулся, рассматривая присоленную ладонь.

— Под полторы тысячи... Глянь «контрольку»... Да не вздумай надеть его на палец...

— Почему? — спросил Иван, который именно это и собирался сделать.

— Можешь не снять, вот почему! — в сердцах ответил коллега, перетянув ладонь платком.

Пожав плечами, Иван прочитал контрольный ярлык, который был привязан к экспонату суровой ниткой и, когда он катился, мелькал, как мышинный хвост: «Перстень базилевса, IV–VI век нашей эры. Инв. № 6254875 ВТ...»

— Почему базилевса? Какого базилевса? Что на нем написано? — растерянно вопрошал вслух молодой человек. — Очень интересный объект, но совершенно неизученный! Почему?

— Здесь тысячи неизученных объектов! — буркнул Киндяев. — До всех руки не доходят. Ты заинтересовался — вот и изучай!

Иван смотрел на перстень как замороженный, и в глубине души у него вдруг стал зарождаться страх. Он не мог понять в чем дело. И вдруг дошло: глаза! Глаза этой дьявольской морды. Они были живые, и в них горели бордовые зрачки. Причем они смотрели не куда-то в сторону, а именно на Трофимова, заглядывая ему в зрачки, нет, глубже — прямо в душу. Красные глаза прожигали его насквозь, стало тяжело дышать, сердце колотилось под горлом, страх вынырнул из своих потаенных глубин, охватил и сковал все его естество... Иван постарался взять себя в руки. Это наваждение, морок! Это просто кажется, что искусно выполненное чудовище изучающе рассматривает его, будто знакомясь. А на самом деле в крохотные, тщательно прорезанные глаза вставлены неестественно яркие рубины... Но никаких рубинов там не было. Значит, внутри горит дьявольский красный огонь? И этого не могло быть. Почему же тогда он не в силах отвернуться и оторваться от этого гипнотизирующего взгляда? Страх начал отступать. Он почувствовал, что если наденет перстень на палец, то сразу успокоится.

— Чего ты так сидишь, Ваня? — словно сквозь вату пробился голос Николая Петровича. — Уже время обеда. Пойдем в столовку!

Иван потряс головой, приходя в себя.

— Сколько время?

— Начало второго.

— Сколько?! Не может быть!

Иван посмотрел на часы. Точно. Он и не заметил, как пролетели два часа... Нет, не пролетели — просто

исчезли! Будто кто-то вырезал их ножницами из киноленты его жизни.

— Что ты такой странный, как мешком ударенный? Сидишь и пялишься на этот перстень еще увлеченней, чем на свои стилеты!

— Да нет, ничего... А почему вы сказали, что его на палец надевать нельзя?

— Была когда-то давно одна история... Найди при случае Марью Спиридоновну, расспроси... Пойдем, я есть хочу!

Выйдя на улицу из затхлого холодного подвала с его казематной тишиной и мистической аурой, они оказались в другом мире. Перед Зимним дворцом разгружались автобусы с финскими номерами, вокруг интуристов крутились любопытные подростки на грубых тяжелых велосипедах.

Они неспешно двинулись по Дворцовой набережной. Ярко светило солнце, дул легкий свежий ветерок, по Неве плыл прогулочный теплоходик «Москвич», гудели моторы машин, в основном тоже «Москвичей», и грузовиков. «Побед» было меньше, а «Волг» и вообще — раз, два, и обчелся. На углах тетки в условно-белых халатах продавали с передвижных тележек газированную воду. Громко переговаривались и смеялись беззаботные люди. Тело согрелось, душа оттаяла, непонятный страх рассеялся. Иван повеселел.

Музейщики прошли несколько кварталов. Столовая располагалась в здании бывшей церквушки, которую в свое время обезглавили, снеся купол, внутри поставили перегородки, а стены покрыли толстым